

Анатолий
КУРЧАТКИН

ЧУДО ХОЖДЕНИЯ ПО ВОДАМ



Анатолий Курчаткин

Чудо хождения по водам

«WebKniga»

2014

Курчаткин А.

Чудо хождения по водам / А. Курчаткин — «WebKniga», 2014

Новый роман Анатолия Курчаткина «Чудо хождения по водам» продолжает фантастико-реалистическую линию его творчества, нашедшую ранее выражение в романах «Записки экстремиста», «Поезд», рассказах «Счастье Вениамина Л.», «Гильотина» и других. Герой «Чуда...», оказавшись в экстремальной ситуации, неожиданно обретает способность ходить по воде, как посуху. Это необычное свойство, в которое он сам не может поверить, порождает ряд нарастающих обвалом событий, порой комичных, но чем дальше, тем более драматичных – в семье, на работе, в обществе в целом. Его внезапно открывшимся даром интересуются и криминалитет, и спецслужбы, и уфологи... В фантастических с точки зрения здравого смысла ситуациях сочным, выразительным образным языком узнаваемо, ярко и достоверно выписаны реалии современной жизни.

© Курчаткин А., 2014

© WebKniga, 2014

Содержание

1	5
2	8
3	13
4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анатолий Курчаткин

Чудо хождения по водам

1

Что за лето стояло! Какая душегубная жара обрушилась на землю и придавила своей раскаленной дланью живое. Весенний изумруд травы пожух, перегорев в желтый уголь соломы, сбрасывали жестяную листву деревья, наго светились на фоне белесого сожженного неба ажурным скелетом ветвей – будто просвеченные рентгеном. Вода влекла к себе, манила отдалиться своей прохладной хляби, погрузить пылающую плоть в ее плещущее объятие, обещая облегчение измаявшемуся телу и отдохновение душе.

Водоемы по всей округе были облеплены страждущим людом, как тарелка со снимаемой пенкой подле таза, вальяжно булькающего кипящим вареньем, бывает облеплена осами, утопившими хоботки в сладком сиропе и с жадностью подергивающими своими полосатыми брюшками.

Приподнявшись на локте и щурясь от солнца, беспрепятственно проникавшего сквозь жидкие увядшие кроны, один такой страждущий, – В. было его имя, – смотрел на расстилающуюся под робким всхолмьем (где он, в устье стекавшего к воде леска, бок о бок с женой и лежал) умиротворенную озерную гладь. У самого берега на устроенном для купания месте, щедро цивилизованном привозным песком, было необыкновенно толкотно, вода будто кипела от народа, облаченного во все цвета радуги, раскроенной на купальники и плавки, была взбаламученной и бурой, а чем дальше от берега, тем людей становилось меньше, вода приобретала первозданную чистоту, становясь бирюзово-аквамариновой. А уж посередине озера людей почти не было, считанные единицы, – отличные пловцы, они виднелись лишь темными шарами голов, да из воды вырывались ритмично руки в гребке. Впрочем, у кого и не вырывались (что значило – человек плавает брассом), один шар головы в блестящей серебристо-аквамариновой ряби, и всё. В. недавно и сам был там, посередине озера, он вернулся сюда, на подстилку, всего какой-нибудь десяток минут назад, но свежесть, разливавшаяся по телу, когда выходил из воды, уже покидала его, и он, глядя на озерную гладь, подумывал, не пойти ли окунуться вновь. Мало ли что только что вылез, почему не окунуться?

На взмахивавшем руками в каком-то странном стиле – кроль не кроль, баттерфляй не баттерфляй – далеко пловце он сначала не задержал внимания. Мазнул по нему взглядом и заскользил дальше, но что-то в стиле пловца показалось ненормальным, и взгляд вернулся к прежнему месту на водной рябящей глади. И только пловец оказался в фокусе взгляда, В. понял: он тонет. Может быть, крича, может быть, молча, но нелепые всплески его рук – это не гребки, а судорожные конвульсии утопающего, бьющегося за свою жизнь.

В. подбросило с подстилки и стремительным снарядам, пущенным пращой, метнуло к воде. Он не был таким уж хорошим пловцом, и никогда прежде не приходилось ему спасать утопающих, но человек тонул, а судя по всему, никто, кроме него, этого не видел.

– Тонет! Человек тонет! – вырывалось из В., когда он уже подлетал к кромке воды.

Услышал ли его кто-нибудь, бросился следом за ним, он не знал. Он стремил себя к утопающему – скорее, скорее достичь его, смотрел на вскидывающиеся над водой изломанными движениями руки, боялся, что они исчезнут в воде и он потеряет утопающего из виду.

Однако человек продержался на поверхности до того, как В. оказался с ним рядом. Сипя, отплевываясь водой, тотчас навалился на В. всем телом, обхватил руками за шею – чего В. боялся больше всего: он слышал, что утопающий виснет на том, кто спасает, гирей, мешает плыть и они оба идут ко дну. Он слышал еще, что нужно оглушить утопающего ударом по

голове и уже бесчувственного влечь к берегу, и собирался это сделать, но обнаружил, что руки утопающего на шее ничуть не мешают, наоборот, хорошо, что тот держится так крепко. Силы, правда, оставляли В. с каждым мгновением. Он тащил человека, тащил, а берег, казалось, не приближался, казалось, конца воде не будет никогда. Никогда, никогда...

Он не помнил, как оказался на берегу. Последним усилием В. не дал человеку упасть на песок бревном, и все равно голова того ударилась с глухим сильным стуком. «А-а», – простонал человек. В. наконец увидел, что это был немолодой мужчина с седой головой, не слишком упитанный, без живота – слава Богу, а то, может быть, и не добрался бы с ним до берега. Вокруг топталась ярко-радужная пляжная толпа. Стояли метрах в пяти полуколыцом и почему-то не приближались. Помогите же, выдохнул В. Врач есть? Вызовите кто-нибудь «скорую». И, покачиваясь, на подгибающихся ногах пошел вверх по всхолмью, туда, где лежал прежде с женой на подстилке. Он вытащил из воды, спас человека, теперь пусть им займутся другие. А у него не осталось сил. За спиной, услышал он, звучно шлепая по влажному укатанному песку, шумно метнулись к спасенному им мужчине. Перед самым же В. полуколыцо толпы вмиг, с непонятной, можно сказать, боязливой торопливостью расступилось, даже не расступилось – разорвалось, люди словно прыснули в стороны.

Потом он увидел: на пути у него осталась только жена. Она тоже была в этой толпе, тоже вначале метнулась в сторону вместе со всеми, но будто пересилила себя – и остановилась, замерла и так, замерев, ждала, когда он подойдет к ней.

– Ну? Ты что? – устало, с растерянностью спросил В.

Жена смотрела на него, как если бы старалась узнать его и не узнавала, хотя вместе с тем и понимала, что это он. И не ступала к нему навстречу, а медленно отходила – как бы боясь его приближения.

– Ну ты что?! – уже раздражаясь, спросил В.

У нее подборались губы, как то бывало с ней во время их ссор и она собиралась заплакать, задрожали, собрались гузкой, распустились, задержались, и она, вот так дергано улыбаясь, проговорила:

– Ты как это? Как у тебя получилось?

– Что как? Что получилось? – В. было неприятно поведение жены. Он полагал, что достоин некоторой признательности всей этой собравшейся здесь пляжной публики, все же он избавил их от ужаса смерти, что могла случиться тут у них на глазах, а со стороны жены – так и восхищения: за каким молодцом замужем!

– Ну вот это. Вот то, как ты... Прямо по воде, – отвечая ему, бестолково произнесла жена.

– А как еще, как не по воде?! – вконец раздражившись, воскликнул В. Пляжный песок закончился, ступни колко защекотала трава лужайки, и он рухнул на нее.

Жена по-прежнему держалась поодаль. В. оглянулся. Несколько человек, склонившись над спасенным мужчиной, производили с ним некие манипуляции, а весь остальной пляж, развернувшись к утопавшему спиной, стоял и смотрел на него, спасителя. И снова в том, как стояли, как смотрели – с напряженным изумленным испугом, В. почудилась готовность, вот если что, брызнуть от него во все стороны что есть духу.

– Да что такое?! – осознавая наконец, что пока занимался спасением, тут на берегу произошло нечто неожиданное и чрезвычайное, имеющее какое-то непосредственное отношение к нему, потребовал В. от жены ответа.

– А сам ты не понимаешь? – снова дергая губами в неестественной странной улыбке, ответила она ему вопросом.

– Не понимаю, – подтвердил В.

– Так если ты по воде, как посуху, – сказала жена. – Ни брызги из-под ног...

– По воде, как посуху? – переспросил В. И смолк. Слова жены нужно было переварить. – Что, прямо как Христос? – сыронизировал он.

– Не знаю, – пробормотала жена. Она будто не заметила его иронии или не приняла, голос ее прозвучал не просто серьезно, это был гранит, скальная порода, уходящая корнями к самой земной мантии, – такая серьезность. – Как посуху. Как бежал по земле, так побежал и дальше.

Невозможно было поверить в то, что она говорила. Она его разыгрывала? Но зачем? С чего вдруг? Да и знал он свою жену, узнал за дюжину прожитых лет, – никогда прежде не водилось за ней пристрастия к подобным шуточкам. Но если даже допустить, что розыгрыш. Как объяснить поведение людей вокруг? Невозможно, чтобы толпа неизвестно с чего, с бухты-барахты решила – как один человек – тоже разыграть его. И если он действительно не плыл, а пробежал по воде, как по земле, почему он сам не заметил того? Правда, и того, как плыл, В. не мог вспомнить. Но все равно, все равно: не могло быть, чтобы по воде – так же, как по земле! Ведь он же не ящерица-василиск, которая лупит по воде с такой скоростью, что не успевает прорвать поверхностную пленку. И в нем не сто пятьдесят граммов, как в ящерице.

– Галлюцинация, – сказал В. – И у тебя, и у всех вокруг. Я закричал – и испугал. И всем показалось. Массовый психоз. В Средние века случалось. Да?

Жена не очень уверенно, подтверждающе потрясла головой.

– Да, в Средние века... Случалось. Всем одновременно одно...

Толпа на песке около воды пришла в движение. Седоголовый мужчина, которого спас В., поддерживаемый с двух сторон молодыми людьми, покачиваясь, шел к нему, бледно-синеватое лицо его кривилось в попытке улыбки.

– Я вам, – увидев, что В. смотрит на него, еще издали заговорил спасенный, – признателен... вы меня... у меня бывает... болезнь Паркинсона... я не должен был, а заплыл... Я вам хочу выразить благодарность...

Мужчина не дошел до В. метров трех – колени у него подогнулись, и он упал на землю. Это молодые люди неожиданно отказали ему в своей помощи. Казалось, какая-то сила отталкивала их от В., не допускала до него; вот на такое расстояние они еще могли приблизиться, а дальше – нет.

– Не стоит благодарности, – произнес В. громко, отвечая спасенному им мужчине, пытавшемуся сейчас безуспешно – подобно оказавшемуся на спине жуку – подняться на ноги, повернулся и, спеша, неизвестно откуда взялись силы, рванул к устью леска. Лихорадочно принялся собираться, кидая и свои, и вещи жены в багажную сумку, взвил в воздух подстилку, смял комом, метнул следом за вещами. Жена, видел он боковым зрением, прибежала почти сразу за ним, выдернула из сумки свой красно-синий сарафан и сейчас торопливо и молча натягивала на себя. Не дожидаясь, когда она оденется, он стремительно, не разбирая пути, треща кустарником, зашагал к оставленной на обочине лесной дороги машине, и жена, одергиваясь, застегиваясь на ходу, бросилась догонять его. Жена оставалась женой. Дюжина прожитых вместе лет значила больше... Что «больше» – в нем не выговаривалось. Больше, больше, с радостным удовлетворением, только повторял он про себя.

Когда они отъехали от озера уже километра два, уже недалеко было шоссе, уже прочерчивали лобовое стекло от края до края бегущие там машины, В. свернул на обочину и остановился.

– Нет, это галлюцинация! – с нажимом, со страстью, сжимая в паузах между словами зубы, выговорил он. – Это галлюцинация, галлюцинация!

Жена на соседнем сиденье, отстраняясь к дверце, все с прежним испугом глядя на него, не ответила. Только снова задергала губами в этой своей нервической нелепой улыбке, мелко потрясла головой – то ли соглашаясь, то ли отрицая, то ли говоря таким образом: не знаю.

2

Утро, хранившее в себе, как запах, ночную ясную свежесть, напоминало об утраченном человечеством рае. Такое, во всяком случае, чувство владело В., пока он проделывал свой ежедневный путь от дома до автомобильной стоянки. Охранник, голоплече сидевший в распахнутом окне своей высоко поднятой на цементных столбах, похожей на голубятню сторожевой будки, лишь молча, с ленцой кивнувший В., когда тот входил на стоянку, вместо того чтобы открыть шлагбаум, когда В. подъехал к нему уже на машине, вылез из окна до самого пояса, свесился вниз и что-то прокричал – что, В. не расслышал.

– Повторите, – опустив стекло, попросил В.

– Я говорю, ни хрена себе, что вчера на Запрудном озере было! Мужик по воде пешедра-лом наяривал! Ни хрена себе, а?!

С голой его груди сквозь обильную растительность с хищной злобностью лилово смотрел на В. широко распластавший крылья двуглавый имперский орел – охранник не стеснялся своей принадлежности к уголовному миру, которому весь остальной мир – только одно большое поле для жатвы, – однако же случившееся вчера в этом чуждом мире проняло и его.

– Да уж, – отозвался на слова охранника В. ничего не значащими словами.

– Нет, прямо по воде как ошпаренный и купальщика, тот тонул, за шкурку, в охапку – и вдвоем обратно, опять прямо поверху, – всем видом и тоном требуя от В. сообщничества, проклекотал из своей голубятни охранник. – Охренеть можно!

– Да, да, – покивал В. Уж чего ему не хотелось, так заниматься обсуждением вчерашнего с этим охранником.

Но охраннику требовалось поговорить, поделиться докатившейся до его слуха новостью, его так и распирало.

– Что, чудо, что ли? – спросил охранник. – А? Может такое быть?

Готовность к детскому простодушному удивлению читалась на его мясистом лице с широкими, брылами висящими щеками.

– Откуда мне знать? – с прежней короткостью отозвался В. И не удержался: – Может, это массовая галлюцинация, известно такое. Раньше часто случалось.

– Галлюцинация? Массовая? – недоуменно протянул охранник. – Что за хрень?

– Открывайте шлагбаум, – потребовал В. – Открывайте. Опаздываю.

Дорога послушно стлалась под колеса его «фольксвагена», с тем же механическим равнодушием глотали ее асфальтовые метры соседние машины в потоке – казалось, никому ни до чего никакого дела, полное отчуждение, замкнутость на себе; но это иллюзия, кажущийся штиль, думал В. Если так возбужден какой-то охранник на стоянке, то этим возбуждением охвачен и весь город, сейчас на работе его ждет обвал пересудов и толков – шквал, ураган, тайфун.

Он был прав в своем рассуждении.

Уже на крыльце, когда поднимался к стеклянным дверям заводоуправления, его догнал, подхватил под локоть коллега – тоже замначсектора в их департаменте.

– Привет господам начальникам! – общекотал он ухо В. выдохом влажно-горячего воздуха. – Шествуем служить родине и мамоне?

Коллега был чуть постарше В., держался эдаким свойским парнем, если и не своим в доску, то почти своим – откуда и шел этот тон незлобивого балаганного гаерства, – но В. приходилось наблюдать его в ситуациях конфликта: от свойскости в одно мгновение могло ничего не остаться, и – волчьи клыки наружу.

– Почему мамоне? – В других бы обстоятельствах В. нашелся, как ответить. Не впадая в серьезность, но и с достоинством. Однако сейчас он весь был скован напряжением. – Иду на службу. Работать.

– Заколачивать денежку для хозяев, – как закончил за него коллега. – Чтобы и нам от их щедрот перепало. Маловато перепадает!

– Да, могли бы и побольше откалывать, – согласился с его инвективой В.

Они взошли на крыльцо, двинулись к дверям, угодливо разъехавшимся при их приближении в стороны, и тут коллега, уже совсем иным тоном, без всякой своей шутиливости, произнес, и голос его протрепетал тем же возбуждением, что у охранника:

– Знаешь, нет, слышал? Что вчера на Запрудном будто бы случилось?

Сказать, что не слышал, означало обречь свой слух на бурное просвещающее словоизвержение.

– Слышал, – подтвердил В.

– Что это за бред? Все как с ума сошли: тому рассказали, тот будто бы прямо сам видел, тот не видел, но у него деверь как раз там...

Коллега был само воплощение сугубой трезвости. Приправленной, естественно, в изрядной доле и скепсисом, и цинизмом, но все же и скепсис, и цинизм были в нем не сами по себе, они ходили как бы в слугах у его трезвого отношения к жизни, и что В. ценил в нем, так это его приверженность в любой ситуации здравому смыслу.

– Массовая галлюцинация, я думаю, – сказал В. – Что еще. Другого объяснения не может быть.

– Как в Средние века, что ли? – протянул коллега. – Странно. Там все-таки религиозный психоз был. А тут что?

– Жара, – через паузу ответил В. За мгновение до того он не знал ответа на этот вопрос, но коллега задал его – и ответ тотчас нашелся. Выскочив эдаким чертиком из табакерки. – Все равно как мираж в пустыне. Тоже ведь из-за жары.

Коллега несогласно покачал головой.

– То миражи! Совсем другое. Но дыма без огня не бывает! Не бывает дыма без огня, это я знаю точно! Тут что-то определенно было. Сто процентов. Только что?

Они уже вошли внутрь, миновали холл и стояли у лифтов, ожидая кабину.

– А ты сам что по этому поводу думаешь? – осторожно спросил В.

– Ясно, что раз дым, то был и огонь! – не без экспрессии отозвался коллега. – Но что за огонь? Горело? Тлело? Искрило? О-о! – взметнулся его голос. – Ты же собирался вчера на Запрудное после работы? Говорил еще: надо сгонять. Сгонял?

О, взяточники, убийцы, генералы преступного мира и его шестерки! Как вы живете под вечной угрозой разоблачения? Как ваш позвоночный столб выдерживает этот невероятный груз? Такой внутренний вопль сотряс В.

Но внешне он остался само хладнокровие, сам себе таким образом и ответив на свой вопрос.

– Сгонял, – произнес он вслух. Сообразив следом, что подобная короткость может показаться подозрительной. – Но при мне – ничего особенного. Ничего необыкновенного... ровным счетом.

Спустившийся сверху и растворивший свои медленные двери лифт явил себя спасительным убежищем. В. ринулся в пластмассово-железное нутро кабины, как убегая от смертельной опасности. В лифт вместе с ним и коллегой вошли еще несколько человек, и В. постарался, чтобы их с коллегой разнесло по разным концам кабины. А на их этаже, чтобы разговор не вернулся к прежней теме, В. перехватил инициативу – с живостью, словно его это необычайно заботило, поинтересовавшись, готов ли коллега к сегодняшнему совещанию. На самом деле готовность коллеги его совершенно не волновала, однако для того совещание было действи-

тельно важно, он тотчас же проглотил крючок, – и к вчерашнему событию на Запрудном уже не возвращались.

Комната, в которой имел счастье трудиться сектор коллеги, была первой по ходу.

– О'кей, вперед, жрецы мамоны! – останавливаясь перед нужной дверью и указывая на ту путеводным жестом уверенного в своих действиях вождя, возгласил коллега. – Будем надеяться на ее благосклонность к нам.

– На мамону надейся, а сам не плошай, – с удовольствием на этот раз ответил на его гаерство В. Он был рад, что коллега вернулся к этому тону – как бы такого свойского похлопывания по плечу: все же втайне, помня о волчьих зубах, что обнажались в конфликте, он опасался коллегу – так, на всякий случай. – Нам, наемным работникам, благосклонности бы начальства.

Комната, где имел счастье проводить трудовой день сам В., была уже полна. Но никто не сидел на своем рабочем месте, все сбились гудящей толпой около одного стола, и, только В. вошел в комнату, его словно потрянуло током – такое высоковольтное напряжение растекалось по комнате от этой жарко гудящей голосами толпы. Хозяин стола, сдвинув в сторону клавиатуру компьютера, сидел одной ягодичей на столешнице – словно председательствующий на импровизированной конференции, а собравшиеся вокруг него выступали, и чуть ли не все одновременно. Всё о вчерашнем, не успел подумать В., вернее, едва успел подумать, – его увидели, и вслед за жидким хором утренних приветствий толпа разродилась дружным вопрошением: «Слышали о вчерашнем? На Запрудном что было?».

Что же, не избежать было участия в этой их конференции?

– Работать надо! – с неожиданной для самого себя суровостью возгласил В., одеваясь в нее, как в защитную броню. – Мамоне служить! – непонятно для всех процитировал он коллегу, приведя гудящую толпу в замешательство.

– Нет, ну когда такое... – попробовал было кто-то обосновать царивший ажиотаж.

В. перебил:

– Жара! Жара, и ничего больше. Галлюцинация! Мираж! Вы в каком веке живете? Нужно искать научное объяснение!

– Ну да, экономическое, – иронически произнес в толпе чей-то другой голос – то ли развывая непонятную шутку В., то ли намекая на занятия их департамента.

Комментарий шутника тотчас был с живостью и ликованием подхвачен:

– Точно! Страстью к дензнакам все можно объяснить. Дайте мне миллиард, и я по воде побегу!

– И я бы побежал! – было поддержкой этому восклицанию.

– Да, за миллиард-то точно каждый бы побежал! – прозвучало итогом.

И зазвеневшее было готовой лопнуть струной тягостное недоумение, возникшее от суровости В., разрядилось, каждый принялся отпускать собственные шуточки – ни к кому особо не обращаясь, так, в пространство, – и, само собой получилось, стали расходиться к своим столам – начинать день, приступать к рабочим обязанностям. Что, конечно, и пора уже было: пусть и не сам начсектора пришел, а всего лишь зам, но и зам – хоть и не особое, но начальство, так что в любом случае следовало расходиться, начинать заколачивать деньги хозяевам.

Рабочее место В. было не за выгородкой, как у начальника сектора, а в общей комнате, он проследовал к нему, включил, не опускаясь на стул, компьютер и лишь после этого стал располагаться: снял пиджак, повесил на спинку стула, расстегнул портфель, извлек из него бумаги, что брал домой, бросил рядом с клавиатурой. Молодая длинноногая сотрудница в джинсовых бахромящихся шортах, стремящихся выглядеть стрингами, всегда старавшаяся угодить В., подлетела с радостной свежей улыбкой, спросила – так, что откажешься, смертельно обидишь, – не принести ли стаканчик кофе из автомата. Кофе в преддверии близящейся жары не хотелось (на кондиционерах для простых смертных владельцы завода, естественно, эконо-

мили), он попросил шоколаду, дав ей деньги, она удалилась, стуча каблуками, звонкой кобылкой, он сел перед засветившимся экраном – рабочий день начался.

В. не успел толком начать заниматься делом, – раздался вопль. Как такой восклицательный знак, исполненный голосом. Вопил хозяин стола, около которого толклась до этого вся комната:

– Ё-ка-ла-ме-нэ! На Ютубе что! Кто-то на видео заснял и ролик выложил!

Смерч пронесся по комнате и смел во мгновение ока всех, кто был в ней, на прежнее место. Кто немного посопровтивлялся смерчу – это В., но и у него не достало сил усидеть за своим столом, – смерч поднял его и швырнул ко всем остальным. Только он оказался в последнем ряду кучи-малы.

Странной конфигурации, перекошенноширокогрудая человеческая фигура двигалась издали скачками по направлению к объективу. Темнела у нее за спиной, сливаясь со своим фоном, сумрачно-зеленая кипень леса, играла рябью солнечных бликов сизо-голубая поверхность, по которой неслась фигура, и была эта дрожащая солнечными бликами поверхность, несомненно, водой.

– Поближе бы, поближе! Наехал бы! – шепотом простонал кто-то в куче-мале перед В.

Камера, однако, держала прежний план. Словно тот, кто снимал, боялся, что малейшее его движение помешает съемке, совершит что-то необратимое, так что исчезнет сам объект съемки. Но человек, что летел по-над водой, приближался к камере сам, все увеличиваясь в размерах, и вот стало понятно, что уродливая широкогрудость его – на самом деле другой человек, которого он несет на руках, а тот, беспомощно болтаясь откинутой назад головой и безвольными ногами, держался за его шею, и было видно – так цепко, не отпустит ни за что, если только не лопнут вдруг сухожилия.

Обмершее сердце В. бухало в груди, словно тысячетонный молот из кузнечно-прессового цеха их завода, который, когда работал, слышно было за несколько десятков метров от корпуса цеха. В. стоял, впившись взглядом в бегущего по воде, и вслед буханью сердца в голове стучало: только бы без увеличения! только бы без увеличения! только бы без!..

Человек между тем все приближался, был уже совсем близко к берегу, оператора, видимо, толкнули – камера дрыгнула вверх, схватив голое небо, дрыгнула вниз, показав срез воды, захватив головы толпящихся на берегу купальщиков, снова поймала человека, так чудесно несущегося со своей ношей по поверхности воды, в объектив, и то, чего боялся В., случилось: камера наконец взяла героя съемки крупным планом.

Она наехала на его лицо – и В. узнал себя. Невозможно было не узнать. Все равно как взглянул в зеркало. Как, бреясь, глядел на себя в его блистающую пластину какие-то полчаса назад.

Шелестом потрясенных голосов полыхнула куча-мала перед В. И ожила, зашевелилась, каждый с рьяностью стремился как можно скорее выдраться из нее, мгновение – и вот она, еще только что такая единая в своем желании увидеть заснятое кем-то необыкновенное происшествие, распалась, но – лишь для того, чтобы тут же вновь спечься в едином жарком любопытстве, центром которого был он, В.

– А ведь это вы! – уличающе пропело многоликое спекшееся любопытство женским голосом.

– Однозначно вы! Один к одному вы! – тотчас же подхватил солистку хор. – Конечно, ты! Кто-то в его секторе был с ним на вы, кто-то на ты.

Чувством, похожим на пронзительную тоску, овеяло В.

– Да, поразительно похож, – согласился он.

Неужели и вправду так было? – ухал теперь в нем молот. Как это могло быть? Почему это случилось со мной?!

– Какое похож, вылитый ты! Не отрещивайтесь! Не отрещивайтесь! – накрыла В. с головой крутая волна.

– Ну да, я, конечно, – сказал он. – Такой вот хват. По воде, как посуху. Кто б сомневался!

Почему-то в завершение этой тирады у него вскинулась рука – с такой итальянской экспрессией из фильмов неореалистической эпохи, – проиграла в воздухе, нарисовав незримую фигуру «чего-то эдакого», и на завершении фигуры он повернулся, тронулся, сдерживая шаг, к своему месту. Спокойней, спокойней, держать себя в руках!

Звонкая кобылка, ускользавшая за шоколадом для него, объявила о возвращении все тем же радостным цокотом своих копыт. Бумажный стаканчик в руке, когда она приближалась к В., странно подрагивал, словно ее сотрясало от некоего внутреннего волнения. Лицо ее горело нетерпеливым желанием поделиться чем-то необыкновенным.

– Ой, а вы знаете, – передавая ему стаканчик, произнесла она, глядя на В. с сиянием восторга, – я сейчас около автомата что слышала? Там говорят, какой-то ролик в интернете нашли, вот того, что вчера на Запрудном было, и будто бы тот, что на воде, на вас похож!

В. был готов к чему-то подобному. Можно сказать, он был во всеоружии.

– Да, – отозвался он с небрежностью, – мы тут только что этот ролик тоже смотрели. Иди вон глянь. Плавки там на этом кудеснике какие! Жуть. Чтоб у меня такие были? Да я в жизнь такие не надену!

Вернусь домой, тотчас подумалось ему, надо тут же избавиться от них. На всякий случай. Искромсать на куски – и в унитаз. Чтобы и следа не осталось.

3

О, эти совещания в кабинете главы департамента! Чего греха таить, В. любил совещания у главы департамента. В них было что-то от праздника. Прерывается череда наскучивших, приевшихся будней, жизнь выламывается из своего заведенного порядка, расцветивается, освещается игрой фейерверка. Посещение начальственного кабинета рождало ощущение приобщенности к сферам, прикосновения к рычагам, ты выходил из него словно бы посвященным. Хотя отвечай точно – во что посвященным, не ответишь. Но сама дорогая отделка кабинета, просторным размерам которого было невозможно найти практического объяснения, дорогая мебель, воздушно-тяжелые шторы на окнах, которые так и хотелось назвать необыкновенным словом «гардины», наконец, парадный портрет главы государства со знающе-проницательным взглядом льдистых глаз за спиной у главы департамента – во всем этом и было приобщение-посвящение-прикосновение. Конечно, совещание у главы департамента могло закончиться для тебя весьма печально, вплоть до – фигурально выражаясь – разбитой в кровь физии, однако же это вовсе не означало, что следует избегать начальственного кабинета, напротив: без жара опасности, исходящего от него, то чувство приобщения-посвящения-прикосновения было бы недостаточно острым, а скорее всего, и вообще бы его не было. Все это напоминало В. отношения с необыкновенно желанной, но совершенно непредсказуемого нрава прелестницей, которая то одарит собой, да так, что вознесешься на седьмое небо, а то вдруг охлестнет такой жгучей злобностью – единственный способ уцелеть: бежать от нее и не возвращаться. Но куда было бежать, получая у этой желанной-непредсказуемой-злобной прелестницы деньги на жизнь? Оставалось терпеть ее и любить. Любить, любить! Потому что как же было терпеть без любви?

Сейчас, однако, В. шел в кабинет главы департамента как на Голгофу. В ногах была слабость, ныла каждая мышца – словно он тяжело и сверхсильно работал, надорвался, и теперь следовало бы распластаться в горизонтальном положении, а не принуждать себя к вертикальному.

Шел он в компании со своим непосредственным начальником, завсектором. Начальник с утра ездил к стоматологу, прибыл к самому совещанию и, едва вошел, тут же кликнул В., поторопил, и они двинулись.

– Что-то ты какой-то вялый, – с благостным высокомерием заметил начальник, когда они спускались по лестнице со своего пятого этажа на третий, где сидел топ-менеджмент. – Смотри на меня: заморозка, сверлили, долбили – иду как огурчик. Или с похмелья?

Начальник был невинен аки младенец. Проведя утро у стоматолога, он отстал от жизни, ему не было ничего известно о видео, которое посмотрело уже все заводоуправление.

– С похмелья, – ответил В. – Еще с какого.

– Вот как? – посмотрел на него с удивлением начальник. – А ты же вроде чуть ли не трезвенник.

– На старуху проруха... – пробормотал В.

На лестничной площадке топ-менеджерского этажа, когда уже открывали дверь, чтобы шагнуть в коридор, отбив за спиной быструю дробь каблучков по ступеням, их догнал тот коллега В., с которым они вместе ехали в лифте.

– А погоди-и, погоди-и! – растягивая слоги, воскликнул он, возлагая руку В. на плечо и принуждая обернуться. – Так это ты! Жара, галлюцинации, Средние века... а это ты и есть!

Лицо коллеги горело азартом открытия, – судья уличил преступника, поймал на лжи, подсудимому некуда деться, попался!

Шеф воззрился на В. с ревнивым любопытством. Ему было досадно, что с его замом связана какая-то тайна, а тот ею с ним не поделился.

– О чем речь? Какие Средние века? Какие галлюцинации? – спросил он. – Что значит «это ты и есть»?

– Так на видео! – с жаром воскликнул коллега. Не знать его, ни в жизнь не подумаешь, что гранитное трезвомыслие – сущность его натуры: такой бесшабашной молодецкой лихостью звенел голос. – В Ютубе! Он, кто еще? Собственной персоной!

– Ничего не пойму, – с суровой начальственностью выговорил шеф В. – Толковой! Что там мой зам? – И пошутил, все в том же образе суровой начальственности: – Пьяный, что ли, в голом виде заснялся?

– Какое пьяный! – снова воскликнул коллега. – Напиться каждый может, а вот по воде, как посуху...

Между тем за этим пулеметно-скорострельным разговором они подошли к двери приемной, та стояла распахнутой, высокие каштаново-золотые двустворчатые двери кабинета главы департамента тоже раскрыты, секретарша, ответно кивая на приветствие, досадливым движением руки указывала: проходите, проходите, живее! Разговор естественным образом пресекался, и В., воспользовавшись ситуацией, стремительно оторвался от коллеги с начальником, скользнул внутрь кабинета, миновал свободное пространство и сел на стул в середине стола, где было его обычное место.

Он сел – и тотчас услышал, что кабинет зашелестел голосами, подобно тому, как под налетевшим ветерком лопочет листва, и почувствовал на себе взгляды собравшихся. Вернее, это был один взгляд. Многоокий, но один. На него смотрело некое многоглазое существо – с недоумением, неверием, подозрительной настороженностью, – причем это существо и он были враждебны друг другу, как враждебны в природе и не могут жить на одной территории звери, принадлежащие к общей пищевой нише.

– Что? – с вызовом проговорил В., ни к кому не обращаясь и обращаясь сразу ко всем. – Похож? Похож! Но при чем тут я? Все мы на кого-то похожи!

Новый порыв ветерка овеял лепетом листвы кабинет. Только теперь этот шелест прозвучал ощутимо громче, и в него яркой нитью вплелось возмущенное недовольство: подозреваемый в преступлении не имеет права на нападение, ему должно вести себя тише воды, ниже травы.

– Да помилуй бог! – выждав, когда взроптавшая листва голосов умиротворит свое лопотание, чтобы быть услышанным всеми, воскликнул коллега В. Он тоже занял свое место – точно напротив В. – и смотрел на него оттуда с бесшабашно-уличающей улыбкой разоблачителя. Преступника полагалось вывести на чистую воду и привлечь к ответственности. – Кто ж, как не ты?!

Лучшим способом защиты было выйти из своего укрытия, склонить выю и признать себя во всем виновным.

– Ну, хочешь считать, что я, считай, что я. Не могу запретить, – сказал В.

Шелест голосов снова побежал по кабинету, но тут же и смолк: небольшая неприметная дверь позади стола хозяина кабинета раскрылась, и из нее вышел сам глава департамента. Глава департамента шел грозной походкой римского legionera, облаченного во всю свою боевую бронзу для кровопролитного решительного сражения. Походка эта, однако, давалась ему нелегко: он был самый молодой из собравшихся в его кабинете, совсем пацаненок, посаженный в высокое кресло едва не сразу после студенческой скамьи чей-то сын, доспехи legionera были ему откровенно тяжелы, и приходилось, чтобы нести их груз, напрягаться изо всех сил.

– Все в сборе? – сев и быстро окинув стол давяще-мерклым взглядом Суллы, готового обнародовать очередную проскрипцию, спросил он, обращаясь к помощнику, занявшему место подле его правой руки.

Помощник, и без того непрестанно оглядывавший стол, словно сторожевая собака вверенное ее попечению стадо, вновь пометался глазами по лицам, замерев на мгновение на В., после чего покивал головой с механическим рвением китайского болванчика:

– Все до одного, кто вызван. И вон, – произвел он легкий кивок в сторону В. Явно, явно и до этих стен дошли слухи о ролике на Ютубе.

Глава департамента принял рапорт помощника с вялой холодностью, словно сообщенные сведения если и были кому интересны, то никак не ему.

– Шумим, вижу? – изошло из него обращением к собравшимся. – К делу. Кто у нас докладчик? – шевельнул он головой, что означало вопрос к помощнику.

– Докладчиком у нас зам завсектором... – с поспешностью послушно откликнулся помощник, называя фамилию коллеги В.

– Слушаем! – повелел глава департамента.

В. перевел дыхание. Ему была дана отсрочка от разоблачения. Может быть, совсем недолгая. Но он был рад и ей.

Совещание шло своим ходом, с тычками, зуботычинами, пинками, которыми, по обыкновению, обильно награждал юный Сулла, – В. отдыхал. Досталась, в свою очередь, увесистая затрещина и ему, – В. ничего не почувствовал. Он наслаждался полученной передышкой, вбирал ее в себя, как чистый горный воздух альпийских лугов, прочищал, вентилировал им легкие – перед тем как неизбежно вновь окунуться в чад и смрад равнинной жизни.

Окунуться пришлось несколько раньше, чем он надеялся. Юный Сулла суммировал розданные тычки и зуботычины общей звонкой заушиной, после чего должно было последовать разрешению расходиться, но вместо этого глава департамента внушительно откинулся на спинку кресла, взялся руками за край столешницы, плотоядная улыбка вытекла на его лицо, и с этой хищно-сладострастной улыбкой он воззрился на В.:

– Так что, это и в самом деле ты?

О, как неожидан, как болезнен был мгновенный переход из альпийской свежести и чистоты в душную теснину равнины. Но короткая схватка перед началом совещания дала В. опыт – как защищаться. Отсиживаться в крепости было безнадежным делом, следовало открывать ворота и ввязываться, перехватывая инициативу, в бой.

– Я, конечно, – сказал он. – Раз все говорят, что я, значит, я.

Правда обезоруживает. Начальник департамента намеревался полакомиться замешательством В., насладиться его смущением, желанием уйти от ответа, он приготовился хорошенько оттрепать его, как нашкодившего домашнего пса, – и был лишен всего этого удовольствия.

– Вот как, – проговорил он, расставаясь со своей улыбкой и вместе с ней с предвосхищением удовольствия, что получит от трепки, которую задаст В. за уклончивость и очевидную неискренность. – Ну и как это у тебя получается?

– А спроста, – с лихостью отозвался В. – Надо только захотеть.

По кабинету, точно как перед началом совещания, снова прошелестела листва возбужденных голосов – как из засады, поддерживая терпящего поражение трибуна, вылетел свежий, не потрепанный в схватке отряд. Но В. видел: выход из крепости оправдал себя, он выиграл эту схватку. Сохранившему силы засадному отряду не суждено переломить хода сражения: полководец уже сдался, и сейчас протрубит рог, означающий конец рубки.

Так и прозошло. Юный Сулла с желчно-досадливой гримасой на лице оттолкнул себя от стола, откатился на кресле назад и произнес, поднимаясь:

– Свободны!

В. внутренне возликовал. Победа, победа, звучало в нем.

Ликование его было, однако, преждевременным. Он вытек в общем потоке расстегнутых пиджаков и расслабленных галстуков через просторные каштаново-золотые двери в приемную – и тотчас осознал, что открывшаяся взгляду картина – это по его поводу. Футбольное

поле обширной приемной было заполнено пришлым людом откровенно неза заводского склада – печать его ярким клеймом стояла на выражении их лиц, одежде, кое-кто был даже и в шортах, – у некоторых с плеч торчали гранатометами телекамеры, а уж фотокамеры держали в руках чуть ли не все. Журналисты это были, кто еще. Непонятно как протырившиеся сюда. А вернее, понятно как. Охрана на входе недурно сегодня приварила к своему основному заработку. Не иначе как кто-то из заводских, а судя по всему, и не один человек, сообщил этим грифам, где найти ту пададь, что похожа на типа с Ютуба.

У некоторых из журналистов в руках поигрывали листочки – с его, остро догадался В., ликом, распечатанным, должно быть, с того самого ролика в Ютубе, – и мгновение спустя, как вышел из кабинета главы департамента, всю журналистскую толпу подхватило и бросило навстречу ему, закупорив для него дорогу к выходу. Попали в эту запруду и другие участники совещания, но они без труда просачивались сквозь нее, их толпа выпускала беспрепятственно, а В. завяз подобно насекомому, угодившему в сладкий сироп. Он едва не физически ощутил себя той доисторической мушкой, что вляпалась в изливающуюся из раны на древесной коре смолу и отныне ей навеки быть замурованной в янтарной капле, превратившись вместе с нею в самоцветный камешек. Позвольте, позвольте, повторял он, пытаясь протиснуться между зажавшими его папарацци, но ничего не получалось – как если бы он бился о стенку из резины. И щелкали, щелкали стрекозы затворов, били по глазам молнии вспышек, – он ослеп от них, оглох от этого щелкающего шороха стрекозиных крыльев. «Это вы? Вы подтверждаете, что это вы? Были вы вчера на Запрудном?» – доносились, как бы поверх стрекозино шороха, до его оглохших ушей голоса.

– Не был! – вскричал В. – мушка, отчаянно пытающаяся выдраться из заливающей ее смертельной смолы. – Был! – мушка, бессильно сдающаяся реке фатума. – Не был! Был! Похож! Ну! И что? Двойник! Тройник! Четверник! Ищите еще, что вы ко мне?! Ищите! Ройте землю!

Он не очень-то понимал, что кричит. Он потерял самообладание. Сорвался. У него было сейчас одно желание: прорвать эту резиновую стену, выбраться наружу – обрести свободу!

И стена на этот раз поддалась его напору, сделалась проницаема. В. шагнул в образовавшийся прорыв – и вылетел на волю. Стрекозы затворов щелкали вслед, гранатометы видеокамер тоже, должно быть, расстреливали его в спину – вон, вон, стремил он себя от них. Не нужна была ему эта публичность, не было в нем никакого желания выделенности. Его вполне удовлетворяла его жизнь. Он хотел просто прожить свою жизнь – честно и с достоинством, да-да, честно и с достоинством, так, – и ничего иного, ничего кроме, ничего сверх того.

4

В коридоре на выходе из приемной В. ждали шеф с коллегой. У шефа теперь был просвещенно-ублагодотворенный вид, но в его наколовшем на себя взгляде В. прочитал недоуменно-оскорбленное чувство: все-таки В. занимал более низкое положение, чем он, почему же эта слава досталась В., а не ему? Что до коллеги, тот по-прежнему горел возбуждением, которое лишь разожглось от шабаша в приемной.

– Ну что? И что теперь?! – воскликнул он, беря В. за локоть, как бы стремясь к самой тесной, доверительной близости. День уже наливался обычной жарой, кондиционеров в коридоре, в отличие от кабинета главы департамента и приемной, не имелось, и прикосновение горячей, слегка и потной руки коллеги было неприятно.

– И что теперь? – поведя плечом, чтобы отстраниться от коллеги, ответил В. – Ничего теперь.

– Нет, как. Так и жить, как жил?

– А как еще?

– Не знаю. Не я же по воде пешком!

– А ты попробуй, – сказал В. Он посмотрел на шефа. – В отдел идем? Обедать еще рано.

– Обедать еще рано. Еще рано обедать... – протянул шеф, будто пробуя каждое слово на ощупь. Ему не об этом хотелось. Но о чем хотелось, он не решался. – Идем к себе. Конечно.

Заметив в приоткрытую дверь приемной, что В. не ушел, вскидывая над головами снова затрепавшие стрекозами фотоаппараты, жужжа видеокамерами, в коридор повалил журналистский люд. Идем, поторопил шефа В. и бросился на лестничную площадку, не дожидаясь своего начальника.

– Господа! А не желаете взять интервью у меня? Я вам имею сообщить кое-что прелюбопытное! – прозвучал у В. за спиной голос коллеги.

Прелюбопытное! Что такое мог он сообщить прелюбопытное?

Перед дверью отдела В. замер. Брался за ручку и отпускал. Брался и снова отпускал. Понятно, что в отделе уже известно о журналистском нашествии, и что там сейчас его ждет?

Рука рванула дверь так, словно он ступал навстречу мечам и колям первосвященнических рабов.

Но нет, никто его тут распинать не собирался. Отдел работал. Светились таблицами экраны мониторов, бежали в колонках столбцы цифр, постукивали под подушечками пальцев клавиатуры – все были заняты своим делом. Для родного отдела он уже не был новостью, с ним из Ютуба освоились, он за эти прошедшие три часа успел стать обыденностью, которая не трогает и не смущает. И только когда В. на деревянных ногах достиг своего стола, сел, запустил компьютер, возле него, звонко процокав, возникла та молодая сотрудница в джинсовых шортах-стрингах, что всегда стремилась ему услужить, демонстрируя разнообразные знаки внимания и оказывая всякие мелкие услуги – вот вроде стаканчика шоколада сегодня.

– Ой, вы знаете, а о вас тут в новостях по телевизору говорили, – прозвенела она. – В смысле, не о вас, а вот тот самый ролик показали.

После журналистской стены, через которую пришлось прорываться, подобное известие никак не могло быть для В. шоком.

– Скоро меня уже и в натуральном виде, в чем мать родила, покажут, – неблагоприятно отозвался он в ответ. – Ждите.

Угодница растерянно постояла около В., не понимая его нерасположения, радостная свежая улыбка ее угасла, и вместо веселого цокотка копытец, когда она, молча повернувшись, поскакала к своему рабочему месту, прозвучал унылый глухой бряк.

Звонок жены был предсказуем. В. ждал его даже раньше.

– Ну что, как ты? – воплощением сердоболия прозвучал ее голос.

О том, что у нее на работе только и разговоров о ролике на Ютубе, она не сказала. И не спросила, как у него. Ясно было, что раз на ее работе так, то у него то же самое, только нужно еще все возвести в степень. Ее волновал он сам, его состояние. Хорошая у него была жена, истинно половина, он всегда это осознавал. Он даже не знал, любит ли ее. Любил ли когда-нибудь. И так было еще тогда, когда они всего лишь, как это говорится, «ходили». Ему было с нею – как с самим собой, с первого мгновения, как встретились. Словно он разделился на них двоих, но и они двое – это был все он. Не будешь же любить самого себя. Ты – это ты, ты есть, и все. Можно себя, конечно, и ненавидеть, но и в ненависти невозможно быть от себя свободным.

– Держусь. Вроде как отбился, – ответил он жене. – Журналисты тут набежали, вопросы задавали, снимали, – ничего, жив-здоров.

– Ты ведь ни в чем не виноват, – сказала жена.

– Только в том, что хочется им кушать.

У них в семье, когда кто-то не мог найти нужного слова, было принято прибегать к цитатам из классики.

– Но это естественно, – помолчав, осторожно проронила жена.

– Им хочется кушать, но я не пицца, – тут же парировал В. И – он не знал почему, он вроде не собирался – задал ей вопрос: – А я что, я в самом деле... прямо по воде?

– В самом деле, – подтвердила жена.

– Ты видела, вот все, как в этом ролике, так?

– Так, – снова подтвердила жена.

В. и хотелось говорить с нею, он нуждался в ее сочувствии, ее поддержке, просто в ее голосе в трубке, но о чем было говорить? Может быть, впервые за двенадцать лет их жизни он не знал, о чем говорить. Потому что говорить сейчас возможно было лишь об одном. Но настолько же и невозможно было говорить об этом. Что тут еще говорить?

– Ладно, до вечера, – сказал он.

– Да, до вечера, – тотчас, с обидной охотой согласилась она. – Заедешь?

– Разумеется.

Жене по утрам нужно было на службу часом позднее, чем ему, поэтому он выходил из дому и ехал на работу один, вечером же они возвращались вместе: ему обычно приходилось задерживаться после рабочего дня, завершая всякие срочные дела, на это уходило как раз час, чуть больше, чуть меньше – время, которое у жены продолжалось ее присутствие, – и на обратном пути он всегда заезжал за нею. Во всяком случае, почти всегда, за редким исключением.

В. сидел перед светящимся экраном компьютера, до хруста в суставах сжимая в кулаке трубку мобильного, и горло свивало готовым вырваться наружу криком: «И что теперь?!» – восклицание, которым встретил его коллега около приемной главы департамента после журналистского шабаша.

– И что теперь? – заставив вздрогнуть, прозвучало не внутри него, а над ухом – произнесенное голосом шефа. В. резко повернулся – шеф стоял над ним и, улыбаясь с тем просветленно-ублагодетворенным видом, что появился у него после совещания, вопросительно смотрел на В. – И что теперь? – повторил он. – И обедать теперь не будешь ходить?

В. тронул клавиши телефона, который все так и сжимал в ладони, глянул на зажегшийся экран. Оказывается, прошел уже чуть не час, как закончилось совещание – столько времени он просидел, пялясь в монитор и ничем не занимаясь, – настала пора обеда. Как правило, ходил в аквариумную выгородку шефа, звал того на обед он, а тут обеденный перерыв уже начался, следовало направлять стопы в столовую, он же не поднимался с места, и шефу пришлось самому звать его.

Однако пойти в столовую, стоять вместе на раздаче, потом делить один стол – все это неизбежно означало говорить о вчерашнем. Неизбежно, неизбежно! Шеф потому и появился

сам звать его, что сгорал от любопытства, ему не терпелось воспользоваться, наконец, случаем и как следует расспросить В. Подробно и со вкусом. В деталях и красках.

– Я не пойду, – сказал В. – Извини. Что-то я... Что-то у меня живот, – угрюмо пробормотал он, не найдя для отмазки лучшего объяснения.

– Да? Не пойдешь? – Шефу нужно было привыкнуть к тому, что его вождение окажется неудовлетворенным. – Живот, значит? Хочешь, чтоб поверил? Чудотворец! – не удержался он.

В. промолчал. Разоблаченному преступнику пристала по-за сокрушенного покаяния.

Так он и не пошел обедать. Вообще. Ведь у него не все в порядке было с животом. Соврал – живи по этой лжи. Работать, однако, он себя все же заставил. Он был достаточно ответственным человеком и, зная за собой это качество, даже культивировал его в себе. А еще заставил себя, когда подошло время очередных новостей по местному телевидению, включить их на компьютере. Вот он вышел из кабинета главы департамента, вот журналистская толпа рванула к нему... ну и видок же у него был, что за выражение лица, а голос, когда отвечал им! Хлипкая мушка, влипшая в смертельный наплыв смолы и отчаянно пытающаяся спастись.

Сюжет закончился. В. оторвался от экрана, повел глазами по сторонам – вся комната смотрела на него, и смотрел из своего аквариума шеф. Поперечина рамы перекрывала ему поле зрения, и, вглядываясь в В., он приподнялся в кресле, подался вперед, оттопырив зад, будто гусак. О, не мушкой, отчаянно трепещущей прозрачным хитином своих крылышек в безнадежной попытке спастись, а незаметной песчинкой, одной из тех несчетных биллионов, из которых состоит какая-нибудь Сахара, захотелось стать В. в этот момент. И такое еще было желание: сорваться, бросив все, с места, скатиться по лестнице, вломиться в машину и, врезав с ходу немыслимую скорость, умчаться куда глаза глядят – от всех, от всего... но нет, как можно?!

До конца рабочего дня оставалась уже четверть часа – в трубке прозвонившего на столе внутреннего телефона прозвучал женский голос с теми вкрадчиво-властными интонациями, что бывают у секретарш больших начальников. Но это не был голос секретарши главы их департамента. Это был голос, которого он не знал. Секретарша директора по связям с общественностью – вот кто ему звонил. Спуститесь на второй этаж, представляете куда там? Прямо сейчас, приказала она, директор вас ждет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.